

— Ничего страшного, ничего страшного. Просто моя мама узнала, что вы, господин, прибыли сюда по делам, и подумала, что нам нельзя пренебрегать правилами приличия.

— Ох, вон оно как. Я уже стар, и являться вот так без предупреждения, пожалуй, смущает вас, молодежь. Господин Цзинь, почему бы тебе не пойти со стражником Чжу? Все равно на сегодня никаких других дел нет, передай от моего имени привет матушке.

Цзинь Линьюэ передал парчовую шкатулку стоявшему рядом стражнику и последовал за Чжу Чжао.

Семья Чжу среди простых горожан считалась середняками — до богачей не дотягивали, но жили лучше многих.

Сяо Сяньсянь оставалась всё такой же живой и милой, матушка — приветливой, а дед — крепким.

В доме Чжу царила теплая и гармоничная атмосфера.

Цзинь Линьюэ ел с большим удовольствием: в конце концов, они были примерно одного возраста, да и общаться так оказалось намного проще.

Он сам не стал намеренно принимать важный чиновничий вид, и оттого беседа заладилась еще больше.

На прощание Сяо Сяньсянь тайком попросила Цзинь Линьюэ приглядывать за Чжу Чжао во дворецких делах — тот был простоват и прямолинеен, вечно сам не зная как наживал себе врагов.

Цзинь Линьюэ с улыбкой пообещал.

Вернувшись на почтовую станцию, Цзинь Линьюэ как раз умывал лицо, как вдруг черепица на крыше зашевелилась, и с неба прямо к его ногам упало письмо.

Цзинь Линьюэ бросил лишь один взгляд на почерк, как его лицо расплылось в счастливой улыбке.

Это было послание от Бай Юйхуэя.

Уехал только утром, а письмо пришло уже вечером — его тайные подручные и впрямь были невероятно искусны.

Если не считать аккуратно подписанного конверта, содержимое самого письма было... поистине воплощением тоски по возлюбленному.

В самом конце следовало особое напутствие: по возвращении в Столицу вести себя как ни в чем не бывало.

Единственное, что оставалось делать — это ждать.

А чего именно ждать, в письме не уточнялось.

Цзинь Линьюэ с редким чувством легкости растянулся на постели, скосил глаза на пустующее с внутренней стороны одеяло и тихонько рассмеялся.

— Прибыл гусеницей, улетаю ветерком. Старший брат, я представлял себе множество сценариев нашей встречи после разлуки, но вот такого не ожидал никак.

Цзинь Линьюэ думал, что Бай Юйхуэй станет горько плакать и каяться перед ним — в конце концов, тот раньше больше всех любил реветь и был вылитой Плаксой.

Цзинь Линьюэ даже предполагал, что Бай Юйхуэй послушается его советов и напрямую присоединится к его лагерю, а когда тот закончит свои дела, они смогут вдвоем беспечно странствовать по всему свету.

Цзинь Линьюэ допускал даже мысль, что при малейшем разногласии они сойдутся в жестокой схватке — пока кто-нибудь один не умрет.

Но вот к сценарию, где на людях я тебя не знаю, а за глаза безумно по тебе скучаю, он, Цзинь Линьюэ, и вправду был не готов.

Впрочем, зная изменчивый нрав Бай Юйхуэя, нет ничего невозможного для того, кто способен на всё.

У Цзинь Линьюэ были свои скрытые причины, были они и у Бай Юйхуэя.

Оба зависели от обстоятельств, и давить слишком сильно не принесло бы никому никакой пользы.

Ему сейчас достаточно было знать, что Бай Юйхуэй в полном порядке, а самому — как следует помогать правому премьер-министру, и больше он ничего не просил.

Правый премьер-министр...

Эх, всего-то два премьер-министра на всю страну, чего ради они вечно грызутся?

Разве плохо было бы просто вместе попивать чай?

Цзинь Линьюэ до отвращения ненавидел эту борьбу партий, но толку-то — его мнение никто не спрашивал.

Пока Цзинь Линьюэ в своей комнате сетовал на то, что старым пердунам на улице делать нечего, старый пердун в соседней комнате из последних сил и на четырех конечностях пытался уговорить ребенка.

С наступлением темноты Плакса начинал до безумия тосковать по бабушке, и как бы его ни пытались отвлечь, стоило пройти хоть немного времени, как он снова начинал хныкать и требовать бабку.

Министр общественных работ уже пустил в ход все свои навыки няньки, лишь бы Плакса кое-как усидел на краешке кровати, наблюдая, как он сам исполняет шаманские танцы прямо посреди комнаты.

Когда он уже выбился из сил, вернулся посыльный.

Пришел ответный лист от правого премьер-министра.

Запыхавшись, министр общественных работ распечатал письмо, одной рукой усадив Плаксу себе на колено, а второй развернув послание для внимательного изучения.

Правый премьер-министр писал, что подозреваемого непременно нужно доставить в Столицу для допроса, но не сейчас — придется потянуть пару дней.

Почему тянуть? — мысленно задал вопрос Цзинь Линьюэ.

Потому что за Дамбой Жиюэ следит весь императорский двор. Чем выше внимание, тем сильнее все гnevаются на главного виновника.

А чем выше уровень гнева, тем более яростной будет всеобщая травля, когда ты притащишь этого злодея за шкуру.

Если вдобавок ко всему вскроется халатность со стороны Министра чинов, эффект будет еще лучше.

Выслушав это, Цзинь Линьюэ только цыкнул языком: до чего же... коварно.

— А что мы будем делать эти два дня?

— Устранять последствия.

Дамба Жиюэ прорвало, и министерству общественных работ рано или поздно пришлось бы отправить людей на ремонт.

Чем возвращаться лишь для того, чтобы выслушать ругань, а потом ехать обратно, лучше сначала все починить, а уже потом возвращаться.

На самом деле в работах по укреплению дамбы не было ничего слишком сложного.

Были бы деньги — и соорудишь такую прочность, какую пожелаешь.

— Откуда же нам взять средства на расходы?

— Господин Цзинь, неужто ты думал, что я заставлю нас обоих раскошелиться из собственного кармана? Ха-ха, не бойся, до этого не дойдет. Разве у нас нет богатого господина Чжу?

— Думаешь, он послушно выложит деньги?

— Господин Цзинь, на некоторые вещи нужно смотреть под другим углом. Например, представь, что ты превращаешь его нежелание платить в обязанность сделать это добровольно. Ну как, чувствуешь, насколько стало приятнее?

Министр общественных работ посмотрел на покорное и внимательное выражение лица Цзинь Линьюэ и остался весьма доволен.

Разве он не понимал, что, беря парня с собой в эту поездку, обучает его тонкостям чиновничьей жизни, чтобы тот мог скорее постичь здешние схемы и побыстрее засиять в полную силу?

К счастью, тот принадлежал к его собственной фракции, поэтому министр не стал отказываться. Иначе он мог бы, подобно уже покойному старому министру, прикинуться старой развалиной и отсиживаться дома в тишине и покое.

При воспоминании об усопшем старом министре министр общественных работ на миг предался меланхолии.

— Эх, интересно, поймали ли того злодея, что сгубил старого министра? Старый министр до сих пор не может упокоиться с миром.

— Скажите, нет ли у вас, господин, каких-нибудь догадок на этот счет?

Министр общественных работ лукаво сверкнул глазами и произнес: — Ты человек свой, давай просто поболтаем языками, без всяких задних мыслей. Это мог сделать кто угодно, но только не Министр чинов. Хотя я его терпеть не могу, на столь глупый поступок он не пойдет.

— С чего вы взяли?

— Ему от этого ни малейшей пользы. — Заметив, как в глазах Цзинь Линьюэ загорелся огонек жажды знаний, министр общественных работ сильно обрадовался. — Старый министр занимал пост лишь номинально, говоря проще — сидел там в ожидании пенсии и старости. Никакой преграды для левого премьер-министра он не представлял. Но стоило ему умереть, как открылось множество возможностей. Самая вероятная из них — что ты, молодой управитель, займешь место старого министра. Ты так молод, ровня ему, неужели бороться с тобой доставило бы ему больше радости, чем противостояние со старым министром?

Цзинь Линьюэ мысленно подумал, что Бай Юйхуэй, пожалуй, и вправду счел бы это чрезвычайно забавным.

Однако, поразмыслив над словами министра, он нашел в них немалый смысл.

— Тогда кто, по вашему мнению, мог учинить расправу над совершенно бесполезным старым министром?

— Все, кто ненавидят Бай Юйхуэя или левого премьер-министра. В конце концов, кого бы ни обвинили в итоге, никто ничего не теряет. Если выйти на улицы Столицы и выкрикнуть, что ненавидишь Бай Юйхуэя, полгорода отзовется. Ха-ха, так что искать истинного виновника поистине бесполезно.

Цзинь Линьюэ слушал и кивал, отчего министр общественных работ стал еще более довольным: — Не спеши, чиновничьих премудростей видимо-невидимо, а крутятся подле правого премьер-министра, ты со временем всему научишься насквозь.

Нет уж, старый министр, вы и сами тот еще кадр, старый лис — только назови, и не стесняйтесь этого.

Разумеется, Цзинь Линьюэ не мог вести себя столь невоспитанно, поэтому лишь сдержанно ответил: — Благодарю, я непременно постараюсь.

Постараюсь превратиться в такого же старого лиса.

Министр общественных работ вдруг что-то вспомнил и поинтересовался: — Господин Цзинь, а вы с Министром чинов Бай Юйхуэем были знакомы прежде?

Знакомы? Более чем. Я даже знаю, есть ли у него родинка на заднице, — разве это не знакомство?

Цзинь Линьюэ изобразил удивление: — Не знаком? Правда, раньше мне доводилось слышать о нем немало слухов.

— Хе-хе, те слухи, что до тебя доходили, я тоже знаю, верить им на слово не стоит. Короче говоря, человек он ненадежный, держись от него подальше.

Ну разумеется, Бай Юйхуэй — человек ненадежный. Вы-то все надежные. Вы — те самые надежные люди, что жрут людей без остатка и убивают без ножа.

Цзинь Линьюэ исполнилось двадцать лет, и в эту самую минуту он вдруг страстно захотел выйти на пенсию...

И впрямь, как и предсказывал министр общественных работ, господин Чжу послушно выплюнул всю ранее разворованную им государственную казну.

Оба чиновника лично контролировали закупку строительных материалов и приступили к работам по ремонту и укреплению Дамбы Жиюэ.

Хотя многие беженцы ушли в другие края, кое-кто из пострадавших семей все же остался.

В таких местах, как квартал семьи Чжу, бедствие нанесло не столь сильный урон, поэтому уехавших оказалось немного.

Увидев, что к Дамбе Жиюэ снова везут вереницы повозок со стройматериалами, местные жители толпами повалили посмотреть.

А когда выяснилось, что министр общественных работ лично возглавил восстановление дамбы, все разом принялись хлопать в ладоши и рассыпаться в похвалах.

Самые разные хвалебные речи на какое-то время зазвучали над опустошенными просторами Дамбы Жиюэ.

— Чжу Чжао, подойди-ка на минутку. — Министр общественных работ поманил рукой Чжу Чжао, который хлопал громче всех в толпе.

— Что прикажете, господин?

— Стражник Чжу, через пару дней мы с господином Цзинем возвращаемся в Столицу с

докладом. Починку Дамбы Жиюэ нельзя бросать на полпути, а раз ты являешься опорой государства, то до тех пор, пока двор не пришлет нового чиновника, все работы по укреплению дамбы поручается вести под твоим единоличным контролем.

Чжу Чжао, разумеется, охотно согласился.

— Братец, вы уже уходите? — Из-за спины Чжу Чжао показалась маленькая головка Сяо Сяньсянь, которая моргнула и посмотрела на Цзинь Линьюэ.

— Да. Буду рад, если как-нибудь заглянешь в гости в Столицу.

— Обязательно.

Ранняя показуха подходила к концу, так что не расходитесь.

Глава двадцать первая

Восстановление Дамбы Жиюэ шло полным ходом.

Об этом происшествии «непреднамеренно» доложили в Столице.

Император еще ничего не знал, но простые горожане на улицах уже были в курсе.

В ту пору за едой и чаем, за играми в карты и петушиными боями — словом, в любую свободную минуту — все только и делали, что нахваливали: — Молодцы же в министерстве общественных работ!

Бай Юйхуэй вместе с Бай Ланем неспешно прогуливался по улице.

Император милостиво предоставил ему отпуск, велел самостоятельно доказывать свою невиновность.

Мысли Бай Юйхуэя в тот момент сводились к одному: мне уже перепало палочных ударов, какая теперь к черту невиновность?

Вернувшись домой, он еще несколько дней пролежал на животе, самостоятельно и с трудом накладывая себе мази, а затем, опираясь на плечо Бай Ланя, который одновременно поддерживал его и плелся следом, все-таки вышел на улицу.

В ресторане Цзюйфэн подавали яд, ха-ха, и раз уж он столько лет ел его и не помер, значит, живуч невероятно.

Хотя эта дрянь в малых дозах лишь улучшала вкус, а в больших — несла смерть, кто мог поручиться, что повар Хромой Ли не дрогнул рукой, отмеряя порцию?

Неудивительно, что блюда в Ресторане Цзюйфэн казались вкуснее, чем в прочих харчевнях, и оставляли после себя такое неизгладимое впечатление.

Стоило пройти полмесяца, как без порции тамошней еды начинало ломать все тело.

Теперь Бай Юйхуэй наконец во всем разобрался.

Дело было вовсе не в кулинарном искусстве повара — дело в отраве.

— Господин, послушайте, как эти люди восхваляют министра общественных работ! Тьфу, неужто они позабыли, какими проклятиями крыли его до того, как он уехал? — тихо проворчал Бай Лань.

— Ну, люди есть люди. Раз министр общественных работ взялся сначала укрепить Дамбу Жиуюэ, он вполне заслужил эти похвалы.

— Тьфу, господин, а вы изменились, — холодно усмехнулся Бай Лань.

— Знаю, я в последнее время стал еще красивее.

— С тех пор как господин повидал того человека, он стал смотреть на всю фракцию правого премьер-министра с такой добротой и мягкостью. Совсем голову потерял, эх...

— С мягкостью? По-твоему, твой господин заслужил прозвище Улыбчивого Лиса просто так?

Бай Лань усмехнулся: — Неужели у господина снова зреют какие-то каверзные замыслы?

— Всё, что можно высказать вслух, не называется коварным замыслом.

— Господин, сейчас вы кажетесь куда более... живым, чем раньше, — подумав, заметил Бай Лань.

Прежний Бай Юйхуэй тоже умел шутить и отпускать остроты, но от него всегда веяло каким-то отчуждением и фальшью.

Куда честнее он выглядел теперь.

— Если ты станешь ежедневно обедаться женьшенем и ягодами годжи, тоже забьешься энергией. Хватит болтать, ступай и перекрой черный ход Ресторана Цзюйфэн. Если я позову, задерживай любого, кто попытается выскользнуть через заднюю дверь, — приказал Бай Юйхуэй.

Бай Лань отдал приказ и, лавируя в толпе, мгновенно скрылся из виду.

Бай Юйхуэй с довольным видом перешагнул порог Ресторана Цзюйфэн.

Расторопный половой тут же бросился поддерживать Бай Юйхуэя.

О том, что министр чинов схлопотал палочных ударов, ходило множество версий.

Говорили, будто Бай Юйхуэй замешан в смерти старого министра и его избили как главного подозреваемого.

Другие утверждали, что Бай Юйхуэй проявил неукротимый нрав и дерзил главе Судебного приказа Дали, за что его и наградили палками.

Как бы то ни было, результат оставался неизменным: Бай Юйхуэй сполна получил свое и чуть не распрощался с жизнью.

И вот этот самый Бай Юйхуэй, чей земной путь, судя по слухам, почти подошел к концу, сейчас при поддержке полового стоял в общем зале Ресторана Цзюйфэн, озираясь по сторонам.

Народ толпился повсюду: кто-то выпивал, кто-то обедал.

Утреннее заседание еще не закончилось, так что в это время трапезничали в основном богатые толстосумы.

Бай Юйхуэй выбрал столик поближе к стойке счетовода и присел.

Не успел он устроиться, как за соседним столом несколько бородатых мужиков с грохотом швырнули палочки на стол и принялись орать: — Что за дрянь! Мы платим вам деньги, а вы потчуете нас этим дерьмом? Руки у вашего стряпущего хуже, чем у повара в моем собственном поместье, как язык поворачивается называть себя потомственными мастерами кулинарии?

Половой тут же заискивающе заклонялся: — Господа, господа, не гневайтесь. Главный повар нашего заведения на несколько дней отлучился по срочным делам, и сейчас стряпает мастер, выписанный из уездного городка. Хотя он и уступает прежнему умельцу, но цена полностью соответствует качеству. Успокойтесь, господа, я поднесу вам еще вина, а вы кушайте не спеша.

— Позавчера, когда я приходил, вы пели ту же песню! Что, ваш главный повар бросил работу? Сбежал к конкурентам? Куда именно? Скажите нам, мы тоже пойдем поддержим его золотое руно. Уж больно нам по душе то, что он готовит. А то, что подали сегодня — никуда не годится!

— Господа, будьте снисходительны, это лучший повар из всех, кого мы смогли отыскать.

Мужики явно не собирались слушать оправдания, и от их выпадов лицо полового пошло пятнами. В этот самый момент из кухни вихрем вылетел главный повар собственной персоной, сжимая в руке поварешку.

— Кто тут посмел сказать, что моя стряпня хуже, чем у этого ублюдка?! Тот ублюдок даже овощи ровно нашинковать не способен, а вы говорите, что он меня превосходит? Вы что, глаза себе в собачьи желудки засунули? Если вам кажется, что его еда вкуснее, так он же добавляет приправы — жрите ее, жрите, глядишь, скоро концы отдадите! — Выдав эту тирассу, повар вытер брызнувшую на тыльную сторону ладони слюну и свирепо пригрозил: — Не нравится — не жрите, но если я еще раз услышу, что моя стряпня кого-то не устраивает, пеняйте на себя, враз всех в один котел брошу!

Повар дернул за воротник, обнажая устрашающую татуировку, и перепуганные гуляки тут же послушно уселись на места, перестав привередничать.

— Ну, вообще-то на вкус вполне ничего...

— А эта кислая капуста очень даже неплоха, попробуйте-ка, братцы.

— И правда, вкусненько.

Мгновенно сменив гнев на милость, клиенты принялись нахваливать еду куда быстрее, чем ругались минуту назад.

Бай Юйхуэй с улыбкой за этим понаблюдав, медленно поднялся и направился на кухню.

— Кухня — место запретное, посторонним здесь делать нечего. — Не успел он даже занавеску приподнять, как повар во всю глотам заголосил изнутри.

— Я человек не посторонний, я пришел за вещественными доказательствами.

— За какими еще доказательствами? — повар опешил.

— С чего бы это прежний повар Ресторана Цзюйфэн, Хромой Ли, пустился в бега? Неужто не знаешь?

— Какое мне дело до того, как сбежал этот ублюдок?

— Похоже, ты его сильно недолюбливаешь. Есть старые счета?

— Никаких счетов, просто воротит от него. — Повар переложил готовое блюдо из вока на тарелку, велел половому отнести его в зал и обернулся: — А по-твоему, он вкусно готовил? Спорим, если переешь его стряпни, можно и богу душу отдать? — Он глупо захихикал, повторяя эту фразу многим, но никто ему не верил.

— Хоть я и верю, но все же хотел бы послушать твои доводы. — Бай Юйхуэй небрежно подхватил со стола огурец и тихонько спросил: — Его вообще есть можно?

Повар широко взмахнул рукой: — Ешь, только что помытые. Ты и вправду поверил моим словам? Знаешь меня? Ну раз веришь, так и быть, расскажу. У этого паренька душа с гнильцой. Несколько лет назад на кулинарном конкурсе он взял первое место, а я — второе. Я не смирился и вызвал его на поединок, но судьи все равно присудили победу его стряпне.

Повар болтал с Бай Юйхуэем, но руки его ни на секунду не прекращали работу.

— Характер у меня упрямый, я снова не успокоился. Два месяца упорных тренировок, и я снова там. Был уверен, что мое кулинарное искусство — первоклассное, но оказалось, что я опять проиграл. В тот день со злости я напился, пошел буяннить на улицу и столкнулся с одним из судей. Тот судья, видя, как я убиваюсь из-за проигрыша, по секрету шепнул мне, что в еду того повара добавляют особые пряности — такие, от которых возникает привыкание. Сначала я не поверил, думал: какая еще дрянь может вызывать зависимость? Кроме звонкой монеты, я ничему подобному не верил.

Бай Юйхуэй с хрустом уплетал огурец и уже молча прислонился к противоположному краю плиты, слушая со всем вниманием. Уж не та ли это Цзиньсинь, про которую он толковал, говоря об особых пряностях?

Судя по рассказу повара, Цзиньсинь и впрямь придавала блюдам неповторимый вкус, а способность вызывать зависимость была ее главной отличительной чертой.

Закончив стряпать последнее блюдо, повар тяжело вздохнул: — Я угробил уйму сил, задействовал кучу людей, пока наконец не выяснил, что это за особая специя. Оказалось, твою мать, это яд из Государства Циньвэй! Ты только подумай, этот негодяй добавлял в еду яд! Разве после этого он достоин держать в руках поварешку?

— Я ходил к нему разбираться, а он заявил, будто в малых дозах эта штука — всего лишь пряность, и велел мне не судить о благородном муже по собственным меркам. Да пошел он к черту со своим благородством! Знающие люди мне потом объяснили: если употреблять эту дрянь постоянно или переборщить с дозировкой, непременно окочуришься.

Бай Юйхуэй согласно кивнул: сказанное им полностью сходилось со словами министра наказаний.

Министр наказаний поддерживал близкие отношения со стражем Судебного приказа Дали, так что делиться подобными уликами для них не составляло труда.

Иными словами, являлась ли эта Цзиньсинь ядом или приправой, зависело исключительно от дозировки.

Внезапно в голове Бай Юйхуэя мелькнула новая догадка.

— Позволь прервать тебя на секунду, можно задать вопрос: а кто был тем судьей, который открыл тебе правду?

Если память не изменяла Бай Юйхуэю, министр наказаний утверждал, что Цзиньсинь не имеет ни цвета, ни запаха, а завезена она из чужеземных земель, и в Государстве Шэньцзинь о ней почти никто не слышал.

Тогда кто же несколько месяцев назад, помимо сбежавшего повара, был тем человеком, который знал про Цзиньсинь?

Причем не просто знал, а еще и понимал, что вся заговоздка кроется в количестве.

Тут оставалось лишь два варианта.

Либо этот человек приходился знакомым повару Хрому Ли, либо сам являлся выходцем из Государства Циньвэй.

Последние два года отношения между двумя государствами испортились, а стычки на границе вспыхивали одна за другой.

Воины, охраняющие рубежи, постоянно проверяли чужие границы на прочность в ожидании подходящего момента для полномасштабной войны.

Чтобы во время грядущей бойни ничто не отвлекало ни ту, ни другую сторону, простому люду Государства Шэньцзинь и Государства Циньвэй было строго-настрого наказано по воле монархов жить так, будто они никогда не пересекались.

В Государстве Шэньцзинь почти не сыскать выходцев из Циньвэй.

А в Государстве Циньвэй не потерпят ни единого подданного Шэньцзиня.

Подобное положение дел продолжалось уже не первый год.

Бай Юйхуэй озадаченно спросил: — Какие отношения связывали тебя с тем судьей, который поведал тебе правду? Откуда ему было знать про Цзиньсинь? С каких пор он стал столь сведущ во всем?

<http://bllate.org/book/21823/2259738>